

A portrait of a young woman with long, wavy brown hair, blue eyes, and a soft smile. She is wearing a white lace dress and a necklace. She is holding a wooden comb with a decorative pattern on its back. The background is a dark, ornate frame.

Ева Стелла

КРОВЬ
на
расческе

Ева Стелла

Кровь на расчёске

<https://litres.ru/74442717>

Аннотация

Глазами мёртвых - в прошлое. Ценой своей памяти - в будущее.

Заброшенная усадьба «Лесная Грива» хранит страшную тайну: столетие назад здесь ставили эксперименты над женщинами-вещуньями. Теперь их проклятие коснулось Веры. Серебряная расчёска, перешедшая к ней от бабушки, открывает дверь в последние мгновения чужих жизней и безжалостно стирает её собственные воспоминания.

Когда убийца вновь начинает охоту на обладательниц дара, Вера оказывается в смертельной ловушке: между доказательствами, ведущими к ней, и следователем, который ищет правду о смерти своей жены. Ей предстоит не просто поймать маньяка, а победить древнее зло, пока её разум не растворился в потоке чужих смертей. Потому что в этой игре ставка не жизнь, а сама личность.

Содержание

Пролог	4
Часть первая: Наследство	7
Часть в	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пролог

Бабушка находилась в своей спальне в старом доме на окраине города, где воздух пахнет яблоками и забвением. На прикроватной тумбочке лежала серебряная расческа с ручкой из червленого дерева. Она была некрасивой, тяжёлой, с зубьями, которые напоминали оскал. Галина дотронулась до неё ослабевшей рукой.

- Не бери, - прошептала она, глядя на внучку. - Пока не готова.

Вера не понимала тогда, о чём речь. Она думала, что бабушка бредит. Доктор сказал, что сердце старой женщины похоже на изношенный механизм, тикает, пропуская удары. Смерть была делом нескольких часов.

- Что значит «не готова», баба Галя? - наклонилась Вера, беря её руку в свои. Рука была лёгкой.

Глаза старухи затуманились.

- Они зовут. Женщины. Они всё ещё там, в усадьбе. Они хотят, чтобы кто-то их услышал.

- Кто «они»?

- Те, кого сделали вещуньями и сломали. - Галина кашлянула, и на уголке её губ выступила алая точка. - Расчёска не просто вещь. Это дверь. И ключ. Ты откроешь её, когда коснёшься чужого волоса. Увидишь последнее, что они видели.

Последнее, что чувствовали. Но плата...

- Какая плата?

- Память, - выдохнула Галина. - Часть себя. Каждый раз кусочек. Пока не останется только их боль, а твоей жизни будто и не было.

Она закрыла глаза. Дыхание стало поверхностным, прерывистым.

- Бабушка?

- Он вернулся, - прошептала Галина. - Тот, кто начал это. Он чувствует, когда расчёска просыпается. Он придёт за тобой. Как пришёл за мной... за ней...

- За кем?

Но бабушка уже не слышала. Ее пальцы разжались. Серебряная расческа упала на пол со звонким, холодным звуком.

Вера подняла её. И в тот же миг мир перевернулся.

Не комната. Другое место. Высокий потолок с лепниной, пахнущий сыростью и ладаном. Она . Нет, не она , кто-то другой смотрит в огромное зеркало в резной раме. В отражении видно бледное лицо с темными глазами. На голове - фата. Это невеста. Рука с расчёской поднимается, чтобы поправить прядь. И тут в зеркале появляется тень. Чья-то рука сжимает что-то блестящее. Боль. Резкая, горячая боль в спине. Падение. В глазах темнеет. Последнее, что видит, - это собственная рука, все еще сжимающая ручку расчески. И голос. Мужской, спокойный, почти ласковый:

- Спи, вешунья.

Вера отшвырнула расчёску, как раскалённый уголь. Она билась в истерике, пока не приехала «скорая» и не сделала укол. Врачи списали всё на стресс от потери. И Вера почти поверила. Почти.

Часть первая: Наследство

Через месяц после похорон адвокат вручил Вере ключи и документы. Кроме городской квартиры, бабушка оставила ей старую усадьбу «Лесная Грива» в тридцати километрах от города. Вера никогда там не была. Бабушка запрещала даже говорить об этом месте.

Усадьба оказалась не просто заброшенной. Она была забытой. Дорогу к ней пришлось искать по едва заметным колеям. Двухэтажный особняк из тёмного кирпича стоял в окружении безумно разросшегося сада. Окна были подобны слепым глазам. Воздух был густым и неподвижным, как в склепе.

Вера вошла внутрь. Пыль лежала толстым слоем на мебели, застеленной простынями. На стенах висели портреты женщин в старинных платьях, которые смотрели прямо на зрителя, и у каждой были необычно яркие, почти болезненно-пронзительные глаза. «Вещуны», - вспомнились ей слова бабушки.

В кабинете она нашла папку с бумагами. Документы конца XIX - начала XX века. Договоры, отчеты, дневниковые записи. Всё на пожелтевшей бумаге, чернила выцвели. Владелец усадьбы значился некий граф Арсений Воронцов. Ученый-антрополог, изучавший «паранормальные способности у представительниц слабого пола». В записях говорилось о

«селекции, усилении дара, практическом применении пророческих видений». Сухим канцелярским языком описывались эксперименты: изоляция, сенсорная депривация, «стимулирующие сыворотки» на основе растительных алкалоидов. Были списки «подопытных», двадцать семь имён. И отчетные графики: «Объект №5 предсказала падение ценных бумаг за три дня. Объект №12 указала местонахождение пропавшего ребёнка. Объект №18 после введения сыворотки второй степени начала видеть причины смерти при прикосновении к личным вещам умерших...»

Вера почувствовала тошноту. Это была не наука, а пытка.

На последней странице досье - фотография. Групповой снимок, начало 1910-х годов. Граф Воронцов в центре, вокруг него несколько молодых женщин в одинаковых простых платьях. Их лица напряженные, глаза пустые. А на заднем плане, чуть в стороне, стоит девушка, смотрящая прямо в объектив. В руках она держит серебряную расческу.

Ту самую, бабушки Галины.

Вера выронила папку. Её руки дрожали. Она полезла в сумку за бутылкой воды и случайно задела внутренний карман. Пальцы наткнулись на холодный металл. Она достала расческу. Принесла ее сюда, сама не зная зачем. Казалось, та сама вела её.

В свете пыльного окна серебро казалось живым. На рукояти, если приглядеться, были тончайшие гравировки. Не узоры, а буквы. Маленькие, едва заметные надписи на ста-

ром языке. Вера прочла вслух: «Память - цена знания. Знание - бремя вещуна».

И в этот момент она слышала шепот.

Сначала тихий, как шорох листьев. Потом громче. Десятки женских голосов, накладывающихся друг на друга. Они шли не извне, а изнутри её головы. Фразы отрывочные: «... не давай ему...», «...он боится зеркал...», «...кровь на корнях старого дуба...»

Вера зажала уши, но шёпот не стихал. Он наполнял её, как вода наполняет тонущий корабль. И вместе с голосами пришли образы. Вспышки. Женщина в камере, царапающая ногтями стены. Другая, стоящая перед толпой и кричащая пророчество о пожаре. Третья, с расчёской в руках, смотрящая в зеркало и видящая за своей спиной мужчину с ножом...

«Хватит!» - закричала Вера мысленно.

Шёпот стих так же внезапно, как и начался. В комнате воцарилась тишина, теперь казавшаяся оглушительной. Вера тяжело дышала, опираясь о стол. Перед глазами плясали темные пятна.

Она посмотрела на расчёску в своей дрожащей руке. Теперь она понимала. Это не просто артефакт. Это - коллектор. Накопитель боли, страха и последних мгновений всех, кто к нему прикоснулся. И бабушка оставила ей это. Зачем? Чтобы предупредить? Или чтобы она продолжила что-то, что Галина не успела закончить?

Вера положила расческу обратно в сумку, твердо пообещав

щав себе никогда не прикасаться к ней снова. Она была стилистом, визажистом. У неё был свой салон в городе, клиенты, жизнь. У неё не было места для призраков и проклятых реликвий.

Но проклятые реликвии, как выяснилось, имеют свойство находить тебя сами.

Часть в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.